

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Смоленский государственный университет
Научно-образовательный центр
«Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем»

**РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

*Материалы международной научной конференции
«Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые
тенденции в научных исследованиях»
(Смоленск, 11–12 октября 2018 г.)*

Выпуск четвёртый

Смоленск
Издательство СмолГУ
2018

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431
Р 768

Печатается по решению редакционно-издательского совета СмолГУ

Рецензенты:

О.В. Козлов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета;

Д.В. Карев, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, директор Гуманитарного центра исследований Восточной Европы (г. Гродно)

Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем:
Р 768 материалы международной научной конференции «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11–12 октября 2018 г.) / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 4. Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2018. с

ISBN 978-5-8801 8-600-6,
продолжающееся издание

В четвертом выпуске сборника, подготовленном коллективом научно-образовательного центра «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», публикуются материалы международной научной конференции «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях», проведенной на базе СмолГУ 11–12 октября 2018 года.

Проведение конференции и публикация настоящего сборника стали возможными благодаря финансовой поддержке Фонда «История Отечества» и Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память».

Исследования проведены по проекту Госзадания Минобрнауки России № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431

ISBN 978-5-8801 8-600-6,
продолжающееся издание

© Авторы, 2018
© Изд-во СмолГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ.....	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	10

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Карев Д.В.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БЕЛОРУСОВЕДЕНИЯ В РОССИИ (XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА).....	13
--	----

Яновский О.А., Яновская В.В.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ И АКАДЕМИЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ БЕЛАРУСИ 1920– 1930-х ГОДОВ.....	22
--	----

Кодин Е.В.

ОТ ВАКАРА ДО СНАЙДЕРА: «СТАРОЕ» И НОВОЕ В АМЕРИКАНСКОМ БЕЛОРУСОВЕДЕНИИ.....	39
--	----

Морозов А.В.

БЕЛОРУССКАЯ СЛАВИСТИКА В XXI ВЕКЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ.....	49
--	----

СЕКЦИЯ № 1: МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ВКЛ И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ: НОВЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Дворниченко А. Ю.

ГЕНЕЗИС «ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, ЖОМОЙТСКОГО И РУССКОГО» (XIII – XV ВЕКА). ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ.....	63
---	----

Дернович О.И.

КОНСТРУИРУЯ «ДРУГУЮ РУСЬ»: ОБРАЗЫ «РУСИ» В ИСТОРИОПИСАНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XVI– XVII ВЕКОВ	74
---	----

Бондаренко А.А.

УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ КОРОЛЕВЫ БОНЫ СФОРЦА УСВЯТСКОЙ ВОЛОСТИ ВИТЕБСКОГО ПОВЕТА В РУССКО-ЛИТОВСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVI ВЕКА.....	90
---	----

Морозова С.В.

ИСТОРИЯ БРЕСТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ 1596 ГОДА И УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	102
---	-----

<i>Веремеев С.Ф.</i> УНИАТСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	118
<i>Ластовский Г.А.</i> ВОЙНА 1654–1667 ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКО- БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	127
<i>Кочегаров К.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МАГНАТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С РОССИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА.....	134
<i>Носов Б.В.</i> ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVIII– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	148
<i>Морозов С.П.</i> ИДЕЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БЕЛАРУСИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ.....	157
СЕКЦИЯ № 2: РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ В XIX-XX ВЕКАХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XXI ВЕКА	
<i>Тихонова А.В.</i> СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	168
<i>Дубровко Е.Н.</i> ОФОРМЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	178
<i>Лавринович Д.С.</i> КОНЦЕПЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ В СТРАТЕГИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1917 г.	190
<i>Мазец В.Г.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НА СТРАНИЦАХ БЕЛОРУССКОЙ ПЕРИОДИКИ (1917 – 1918 ГГ.).....	199
<i>Тарасенкова Т.И.</i> ОБРАЗОВАНИЕ БССР В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1990-Х – 2010-Х ГОДОВ.....	211

<i>Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.</i>	
ПИСЬМА Е.В. СПЕКТОРСКОМУ В АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ СЛОВЕНИИ В ЛЮБЛЯНЕ.....	230
<i>Тихонов В.В.</i>	
БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 1920 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 50-Х ГОДОВ.....	235
<i>Прохоров А.А., Козик Л.А.</i>	
СОБЫТИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКИХ, РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ.....	249

СЕКЦИЯ № 3: РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Никитина Н.В.</i>	
ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ РГИА И ГАСО).....	262
<i>Козлов О.В.</i>	
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМОЛЕНСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНСКИХ УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ.....	277
<i>Старовойтов М.И.</i>	
НАСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1897 – 1939 ГОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	287
<i>Метельский А.А.</i>	
КОСТЁЛ В ШУМЯЧАХ.....	299
<i>Мицюк Н.А.</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	309
<i>Ершова О.И.</i>	
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ В ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ РСФСР В 1917-1918 ГОДА.....	321
<i>Петухова О.А.</i>	
МОЛОДЕЧНЕНСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ В СМОЛЕНСКЕ.....	331
<i>Кобец О.В.</i>	
БЕЛОРУСИЗАЦИЯ НА СМОЛЕНЩИНЕ, 1924-1929 ГГ.....	337

<i>Ладожина Т.Н.</i>	
ОБЩАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ИСТОЧНИКАХ ДВУХ ГОСУДАРСТВ: НА ПРИМЕРЕ ПАРТНЕРСКОЙ РАБОТЫ ПО ИЗДАНИЮ СПРАВОЧНИКА «СМОЛЯНЕ – ЗАЩИТНИКИ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ».....	351
<i>Митюкова Е.В.</i>	
ОБОРОНА БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ 1941 Г. СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБ ВЫПУСКНИКОВ СМОЛГПИ.....	360
<i>Корсак А.И.</i>	
УРОЖЕНЦЫ СМОЛЕНЩИНЫ, ПОГИБШИЕ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ Г. ПОЛОЦКА В ИЮЛЕ 1944 г.....	366
<i>Пивовар Н.В.</i>	
ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КРАЯ: СМОЛЕНЩИНА И ВИТЕБЩИНА.....	375
<i>Давлатова Е.В.</i>	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА МОЛОДЕЖИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ.....	383

Конструируя «Другую Русь»:

Образы «Руси» в историописании Великого княжества Литовского XVI–XVII веков

Ключевые слова: *Беларусь; Великое княжество Литовское; Русь; историописание; раннее Новое время.*

На протяжении XVI – первой половины XVII века в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) происходило становление традиции историописания. В этих произведениях формировался образ Руси Нового времени как региона, который являлся частью Великого княжества Литовского, от Киева до Полоцка. Субъективизация этого региона происходила под влиянием польских традиций хроникарства и историописания, которые имели рецепцию в летописании и историописании ВКЛ.

Историописание ВКЛ: общая характеристика

Историографическая традиция в ВКЛ XVI века характеризуется двумя яркими явлениями – летописанием и появлением первых авторских историографических произведений. Белорусско-литовские летописи (БЛЛ) – это историко-литературные сочинения XV–XVII веков, составлявшие в ВКЛ и отображающие историю этого государства, но также включающие в себя общерусский свод. Существует проблемы разграничения дефиниций историописания и историографии. С одной стороны, мы видим смысловую перегруженность понятия «историография», с другой стороны, весьма неопределённым остаётся статус понятия «историописания» (*die Geschichtsschreibung*) и его разграничения с летописанием и хроникарной традицией. Историописание воспринимается как «писание» истории в противовес историческому исследованию, основанному на научном анализе [10, с. 17].

Пока же мы остановимся на таком определении, что историописание можно рассматривать как промежуточный, смешанный тип исторической наррации, сочетающей в себе качества традиционных исторических сочинений и мемуарно-личностных, но без критического аппарата историографии. Кроме того, произведения историописания являются авторскими, в то время как летописная и хроникарная традиция Средневековья преимущественно анонимные. Труды историографов ВКЛ XVI – первой половины XVII века укладываются в подобное понятие историописания.

Матей Стрыйковский и его историко-географическая панорама региона

Анализируя авторов этой традиции в ВКЛ, следует в первую очередь остановиться на роли Матея Стрыйковского (1547–1586/1593), который являлся автором первой опубликованной истории Великого княжества Литовского. Будущий историограф родился в небольшом городе Стрыкове Ленчицкого воеводства – в Великопольской провинции Польского королевства на западе страны. Вероятно, Стрыйковский происходит из обедневшей шляхетской или мещанской семьи. На седьмом году жизни, в 1553 году, он был отдан в парафиальную (приходскую) школу в недалёких от Стрыкова Бжезинах. В этой школе Стрыйковский проучился довольно долго – девять лет. Это важное обстоятельство – нам ничего не известно о другом, например, университетском образовании Стрыйковского, хотя версия о его обучении в Краковском университете ранее была распространена среди исследователей [18, с. 71]. Таким образом, мы можем говорить о неожиданно высоком уровне образования в парафиальных школах того времени, так как в дальнейшем Матей Стрыйковский демонстрировал высокий уровень эрудиции и способность оперировать большим количеством информации. Впрочем, сам Стрыйковский в своих произведениях признавался о настойчивом самообразовании и стремлении изучать источники.

Важнейшее значение для дальнейшей творческой судьбы Стрыйковского имела его поездка и жизнь в ВКЛ. Впрочем, и для самого Великого княжества приезд Стрыйковского и его аккультурация тут имели далеко идущие последствия для интеллектуальной истории ВКЛ. Вероятно, весной 1563 года вместе с познанским каштеляном Петром Чарнковским Матей Стрыйковский выехал в Великое княжество. Этот первый десятилетний период жизни в ВКЛ сам Стрыйковский лаконично описывал как время военной службы, в том числе и в гарнизоне Витебского замка. Обстоятельства этой службы, молчание источников и намёки самого Стрыйковского позволили польскому исследователю Збыславу Войтковяку высказать мнение, что хронист был «рыскуном», т. е. исполнял разведывательные функции [37, s. 66–67].

Но этот период жизни был характерен не только военными приключениями, но и тем, что Стрыйковский начал работу над своими историографическими произведениями. По его собственному признанию, он почти восемь лет работал над «Описанием Европейской Сарматии» (*de Sarmatia Europaea*), рукопись которой погибла «в Хорощи при пане Александре Ходкевиче славной памяти» [35, s. XLIII]. Биограф Стрыйковского Николай Малиновский отмечал, что в этот период начала приобретать более конкретные формы главная цель деятельности историографа – богатые ещё в то время собрания летописей привели к мысли составления истории ВКЛ, совсем неизвестной тогда [35, s. 4]. Приобретя языковую компетенцию для работы с рукописями ВКЛ (изучив «русский язык»). Стрыйковский также познакомился с устной традицией бытования литовского языка и много путешествовал по

пограничным провинция. Кроме «письменных» знаний, Стрыйковский, таким образом, приобретал и собственный эмпирические наблюдения.

И тут наступает важнейший для нашей темы этап. С 1575 по 1579 год мы видим Стрыйковского при дворе князя Юрия Олельковича в Слуцке и Копыле. Во время Ливонской войны Стрыйковский сблизился с молодым магнатом Яном Ходкевичем и его родственниками, которые стали первыми меценатами историографа. Через Ходкевичей, точнее, благодаря их родственным связям с другими магнатами ВКЛ, Стрыйковский сблизился с князем Юрием Юрьевичем Олельковичем-Слуцким, родная сестра которого София была замужем за Юрием Ходкевичем. Таким образом Стрыйковский попал на двор князей Слуцких.

Здесь он получает прекрасную возможность систематически заниматься изучением древнерусских и белорусско-литовских летописей, что повлияло на его развитие как историографа. Слуцкий период стал наиболее плодотворным в творчестве Стрыйковского. В 1577 году было написано по-польски, прозой и стихом, историографическое произведение «*O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego...*» («О началах, происхождении, деятельности, делах рыцерских и гражданских славного народа литовского, жемойтского и русского...»). Примечательно, что самим названием Стрыйковский манифестировал написание синтетической истории политического, а не этнического народа ВКЛ, который объединял все три официальных политико-культурных компонента государства. Но названное произведение оставалось в рукописи до второй половины XX века, пока не было обнаружено и издано в 1978 году Юлией Радзишевской [36]. Поэтому непонятна степень влияния на историописание ВКЛ конца XVI – XVII века этого достаточно объёмного труда. В любом случае можно говорить о творческих экспериментах самого Стрыйковского, который занялся столь масштабным проектом и к тому же избрал поэтическую форму своего труда, очевидно, для изложения историографических концепций в обстановке магнатских дворцов.

Вдохновителем работы над произведением «О началах...» был непосредственно князь Юрий Олелькович. Это следует из довольно большого вступления Стрыйковского, посвящённого слуцкому князю. В этом вступлении Стрыйковский напрямую называет Юрия Олельковича «добродеем» (фундатором) масштабного историографического проекта. Причём Стрыйковский очень выразительно видит свою миссию, указывая, что «без добродейства историков в вечном беспамятстве погибла бы» память «шляхты литовской и русской» о своих предках, о привилегиях, титулах, владениях... [36, s. 38]. А за это «все обыватели литовские, русские и жемойтские должны благодарить и вечно с потомством восславлять Вашей Княжеской Милости добродейство». Фактически князь Олелькович прямо назван вдохновителем историографических трудов Стрыйковского.

Тут стоит очень коротко охарактеризовать сам род Олельковичей, сыгравших столь значительную роль в становлении историописания ВКЛ. Княжеский род Олельковичей принадлежал к высшему слою элиты ВКЛ, так как находился в родственных связях с великокняжеской династией – основатель рода князь Александр (Олелька) Владимирович был сыном киевского князя Владимира Ольгердовича, т. е. приходился внуком великому князю литовскому. Кроме того, этот княжеский род сумел породниться с московским великокняжеским домом и господарем Молдавии Стефаном Великим. Период наивысшего взлёта Олельковичей приходится на вторую половину XIV – XV века, когда отдельные представители этого рода в периоды междоусобья рассматривались даже как легитимные претенденты на великокняжеский трон (такими рассматривались как сам Олелька Владимирович, так и его сын Семён Олелькович). Но тут имеется одно важное обстоятельство, которое теоретически перекрывало Олельковичам подобную династическую карьеру в ВКЛ – они были православными, которые ревностно относились к своей вере, а их родовой некрополь находился в Успенском соборе Киево-Печерской лавры [22], где молитва прославления рода должна была быть «вечной» [5, с. 79]. В подобной ситуации приверженность к православному вероисповеданию стала для Олельковичей одним из символов их высокого и древнего происхождения. Но одновременно мы знаем, что после Кревской унии 1385 года и официального крещения этнической Литвы в 1387 году ни один из Гедеминовичей не католического вероисповедания не мог занять великокняжеский трон. В предшествующий период имеются косвенные данные о возможном православном крещении Ольгерда, но этот князь всё же постоянно балансировал между различными конфессионально-культурными направлениями в своём государстве и учитывал влияние соседей. В конце концов, к XVI веку, несмотря на знатное происхождение, Олельковичи теряют свои позиции, а Михаил Олелькович за участие в заговоре против короля и великого князя Казимира Ягелёнчика был даже казнён в 1481 году. Изменения, происходившие в середине XVI века, показали, что расчет на традицию уже не даёт политических дивидендов, а значительные богатства не гарантируют сохранения влияния на политические процессы и вхождение в состав высшей элиты [19, с. 85].

Все эти обстоятельства позволяют понять феномен Стрыйковского как фактически придворного историографа князей Слуцких в 1570-х годах. После написания «О началах...» в 1578 году Стрыйковский заканчивает первый вариант своего главного труда – «Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi» («Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси»), которая была опубликована в Кёнигсберге в 1582 году [35]. Существует также ещё одно произведение, авторство которого и по сегодняшний день вызывает дискуссии.

Речь идёт о большом труде «Sarmatiae Europaeae descriptio» («Описание европейской Сарматии»), изданном в 1578 году в Кракове [23] под именем уроженца Вероны Александра Гваньини (1534/1538–1614). Матей Стрыйковский, который на протяжении 1572–1574 годов служил под командой

ротмистра Гваньини в Витебском гарнизоне, считал, что бывший командир позаимствовал текст его произведений. Авторство Стрыйковского было подтверждено королевским судом Стефана Батория, но книга продолжала издаваться и дальше как труд Гваньини. Концепты «Описание европейской Сарматии» будут рассмотрены ниже, но тут важно отметить, что после появления краковского польскоязычного издания 1611 года [24] эта книга стала действительно хорошо известной в образованной среде ВКЛ и русинского общества Польши, находилась в библиотечных собраниях магнатов и шляхты, появились переводы этого труда на «руску мову».

9 ноября 1578 года скончался покровитель Стрыйковского князь Юрий Олелькович. Дети князя были малолетники, и, похоже, историограф не мог уже найти прежнюю поддержку в Слуцке. Стрыйковский переходит под опеку жемайтского епископа Мельхиора Гедройца (1536–1609).

Это был уже другой политический круг общения Стрыйковского. Если князья Олельковичи-Слуцкие были традиционно привержены православию, а многие Ходкевичи приняли кальвинистское исповедание веры, то епископ Мельхиор стремился к укреплению позиции пост-тридентской римско-католической церкви в некогда последнем языческом регионе ВКЛ («второй креститель Жемайтии»). Одновременно Мельхиор Гедройц выстраивал линию сохранения суверенитета ВКЛ в рамках объёдинённого с Польшей государства, а также способствовал изданию книг на литовском языке [26, р. 8—11; 25, s. 430—431].

И вот по протекции такого сановника католической церкви Стрыйковскому в 1579 году предлагается синекура в виде должности жемайтского каноника. Сам факт этого назначения был красноречивым – «короняж» (подданный Короны Польской) без университетского образования и духовного сана получает должность, которую в подобных условиях невозможно было бы занять без протекции. Сам же Гедройц в своё время выступил против номинации поляка Бернарда Мацеёвского Виленским епископом в 1591 году [32]. Возможно, епископ Мельхиор привлёк Стрыйковского к сотрудничеству в целях реализации политики Контрреформации [18, с. 22].

Ходкевичи, Олельковичи-Слуцкие, Мельхиор Гедроц на протяжении 15 лет были главными меценатами Стрыйковского, они не только обеспечивали материальное содержание историографа, но и оказывали поддержку в ознакомлении с местными летописными текстами и формулировали идеологические программы в историописании. Таким образом, поляк по происхождению, Матей Стрыйковский провёл большую часть своей творческой жизни в ВКЛ, его произведения включали обработку местных летописей и других письменных источников, сам Стрыйковский работал по заказу литовско-русской магнатории и формулировал концепции, которые должны были историографически легализовать и обосновать статус элит ВКЛ и всего государства. Появление на протяжении XVII века различных редакций

белорусского и украинского переводов «Хроники» Стрыйковского [15, с. 372–384] свидетельствует об устойчивой традиции трансляции его концепций в русинском сообществе ВКЛ и Польской Короны. Биографические и концептуальные положения позволяют отнести произведения Матея Стрыйковского к традициям историописания ВКЛ.

Стрыйковский углубленно занимался этно-генетическими легендами народов региона, историко-географические границы которого он очертил в самом названии своего труда: «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси». Прежде всего автор констатировал наличие общих предков у народов «своего» региона – готов, гетов и гепидов он называет предками «литовскими и славянскими» [35, s. 36—37]. Вместе с тем у самого историографа было ясное представление об ареале «славянщины». В этой связи примечательны его наблюдения из дипломатической поездки 1574 года в Османскую империю, где Стрыйковский соотносит историографические легенды и современное этническое состояние: “Alem ja sam był w tych wszystkich krainach, i w Traciej niedawno roku 1574 i około Constantinopola, wszędziem świadom dobrze, a tamem żadnych Gotów, niemieckiego języka używających, niewidział, anim o nich słuchał. Sławaków tam naszych przodków wszędzie pełno w Tracijskich i w Bułgarskich ziemiach szeroko między Bałchanami górami mieszkających, także w Taurice albo Prekopie są ostanki Gotów albo Getów Litewskich i Roxolańskich, Ruskich przodków, którzy sławieńskim językiem (nie niemieckim) mówią” [35, s. 40] («Но я сам был в тех всех странах, и в Тракии недавно в году 1574, и около Константинополя, везде хорошо известно, что там никаких Готов, использующих немецкий язык, я не видел, о них ничего не слышал. Славян там, наших предков, везде полно в Тракийских и в Болгарских землях, широко между Балканскими горами живущим, также в Тавриде или Перекопе есть остатки Готов или Гетов Литовских и Роксоланских, Русских предков, которые словянским языком (не немецким) говорят»).

Историю же «русскую и литовскую» Стрыйковский относил к «северным краям»: «...w pułnosnych krajach, gdzie dziś Litwa i Ruś [35, s. 38]. «Славянщина» у Стрыйковского также распадается на несколько отвлечений: «Jednak wżdy Russacy, Moskwa i Bulgarowie albo Wolgarowie, od Wołgi rzeki (nad którą szeroko z dawnych lat mieszkali) nazwani, także inszy Sławacy, pierwiej niż my Polacy, pisać poczęli” [35, s. 89] («Однако же Русские, Москва и Булгары или Волжане, от Волги реки названы (на которой широко с давних лет жили), также другие славяне, раньше чем мы, Поляки, писать начали»).

В своих историко-географических построениях М. Стрыйковский использовал легенду о Мозохе как прародителе всех славян: «Wszakże to jest napewniejszy, najgruntowniejszy fundament, iż jako od inszych synów Noega i ich potomków, insze rozmnożone są różne narody, tak też od Mosocha patryarchy naszego, szostego syna Jafetowego i od jego potomków: Russa, Lecha i Czecha, wszyscy Russacy, Polacy, Moskwa, Bulgarowie, Czechowie, i ile ich kolwiek Sławiańskiego języka pod niebem używa, prawdziwy wywód i początek naroda mają»

[35, s. 91] («Однако есть это наиболее безошибочно и наиболее обоснованно, что как от других сыновей Ноя и их потомков другие размножились народы, так от патриарха нашего Мозоха, шестого сына Яфета и от его потомков: Руса, Леха и Чеха все Русские, Поляки, Москва, Болгары, Чехи и ещё сколько Славянского языка под небом используют, настоящие истоки и начало народа имеют»).

Таким образом, историограф ВКЛ явным образом разграничивает «Русь» и «Москву». Безусловно, «Москва» генетически связана с «Русью», но для Стрыйковского она уже представляется отдельной страной / народом. При этом Стрыйковский поддерживает более сложную версию происхождения названия Москвы, чем широко распространённой в ренессансной Европе представление о происхождении названия города именно от Мозоха. Матей Стрыйковский приводит разные версии происхождения названия Москва и делает несколько неожиданный выбор в пользу «синтетической» версии: «Aż potym przed lat dwiema sty i kilkiemdziesiąt, to starodawne imię patriarchy Ruskiego i Sarmatskiego Mosocha wskrzesili, gdy się Moskwa od Moskwy miasta i od rzeki za przeniesieniem stolice z Włodimirza, zwać poczęli» [35, s. 93] («Ужо потом спустя двести и несколько десятков, это давнее имя патриарха Русского и Сарматского Мозоха возродили, когда Москва от города Москвы и от реки после перенесения столицы из Владимира, стали называть»). При этом историограф рассматривал «Москву» как «народ Белой Руси».

Все эти давние аллюзии Стрыйковского интересны тем, что, рассуждая о давних, «библейских» временах, историограф фактически конструировал новые региональные сообщества – он очень чётко разграничил «Русь» Великого княжества Литовского и Польши от «Москвы».

Обращает на себя внимание также использование Стрыйковским имён персонажей-эпонимов Чех, Лех и Рус как одной из наиболее известных и распространённых легенд о «трёх славянских братьях», основателях, соответственно Чехии, Польши и Руси. Эпонимы как лица, от имени которых образованы имена нарицательные или имена собственные, в данном случае служат прародителями народов / стран. Первоначально подобный эпоним был сформирован в чешской хроникарной традиции – в «Чешской хронике» Козьмы Пражского начала XII века рассказывается о прибытии в Богемию славянского племени во главе с праотцом Чехом [29, s. 22]. Затем в чешском варианте легенды появляется и Лех как прародитель поляков [12, с. 145]. Уже польское историописание, а именно «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях» (*Chronica magna seu longa polonorum seu lechitarum*), доведённая до конца XIII века, привносит новацию – создаёт триаду с Русом. Об этом идёт речь в Прологе «Великой хроники»: «В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов... от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй — Рус, третий — Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами» [2, с. 3—4]. Костяк легенды окончательно складывается к рубежу XIV—XV века

[3, с. 26–28]. Таким образом Матей Стрыйковский, описывая этногенетическую ситуацию в регионе, использовал наработки именной польской школы историописания.

Но куда более важным является фактор трансляции концепций Стрыйковского в памятниках летописания и историописания ВКЛ и в Украине [16, с. 293—306], которая оказалась уже в составе Польской Короны. В начале XVII века в ВКЛ появился перевод произведения Стрыйковского на старобелорусский язык (кириллицей) [17, № 1494]. Сам факт такого перевода очень интересный. Во второй половине XVI—XVII веке польский язык был понятен для образованных и привилегированных сословий ВКЛ, они активно пользовались этим языком. Перевод «Хроники» был переводом работы Стрыйковского в другой культурный контекст – восточнославянского («русского») населения ВКЛ. Неизбежными для такого перевода были другие акценты, чем у Стрыйковского, какие-то части текста были сокращены, а какие-то, наоборот, дополнены. В конце XVII века в Чернигове появляется ещё один перевод труда Стрыйковского, который мы можем охарактеризовать как староукраинский [1, № 54487; 13, с. 119—124.]. Кроме того, концепции и труды Стрыйковского непосредственным образом повлияли на развитие историописания ВКЛ на протяжении XVII века. Историограф и иезуит Альберт (Вайцех) Виюк-Коялович (Wojciech Wijuk Kojałowicz, 1609—1677) подготовил свою «Историю Литвы», вышедшую на латинском языке в Гданьске и Антверпене [27; 28]. Первым православным полемическим сочинением, в которой использовалась Хроника Стрыйковского, стал вышедшая в 1608 году в Вильно на польском языке полемическая «Антиграфия» Мелетия Смотрицкого [20]. Ещё более использовали Хронику Стрыйковского украинские авторы Захария Копыстенский в своей «Палинодия или оборона веры католической», написанной в 1621–1622 годах [6], и епископ Сильвестр Коссов в «Патериконе» [30], напечатанном на польском языке в типографии Киево-Печерского монастыря в 1635 году (свободный перевод «Киево-Печерского патерика»). Если для памятников украинского историописания первой половины XVII века характерен метод использования Хроники Стрыйковского, сводящийся по существу к воспроизведению его больших фрагментов, то во второй половине XVII века такие авторы, как Сафонович и Гизель, обращаются к труду Стрыйковского для критического сравнения его сведений с сообщениями летописей и других историографов [16, с. 297]. Хроника Стрыйковского стала тем базовым произведением которое во многом определяла концептуальный аппарат восточно-славянского историописания Речи Посполитой на протяжении XVII века.

Историко-географического деления региона Александром Гваньини

В ряду иностранных авторов, ставших частью историописания ВКЛ, нужно отметить имя **Александра Гваньини / Alessandro Guagnini** (1538–1614). Гваньини принадлежал к обедневшему дворянскому роду и происходил из Вероны, которая в те времена принадлежала Венецианской республике. В

условиях ренессансной Италии с её демографическим развитием и перепроизводством высококвалифицированных специалистов многие местные художники и военные вынуждены были искать заработки за границей. И вот в 1561 году Александр Гваньини и его отец Амброжи были рекомендованы королю Сигизмунду Августу как специалисты по фортификации. В результате, как мы знаем, Александр Гваньини принимал участие в нескольких кампаниях, после чего как ротмистр пехоты стал командиром гарнизона крупного города и пограничного форпоста Витебска. Как ротмистр Гваньини не только находился в витебском гарнизоне, но и принимал участие в боях под Невелем (1566) и Велижем (1567). Очевидно, что этот военно-географический опыт был весьма важным для дальнейшей творческой биографии Гваньини по двум причинам: 1) он смог непосредственно познакомиться с региональной спецификой; 2) именно в витебский период службы Гваньини пересеклись пути итальянского ротмистра и любознательного польского «рыскуна» и будущего историографа ВКЛ Матея Стрыйковского. В 1568 году под руководством воеводы Витебского Станислава Паца ротмистр Гваньини и «рыскун» Стрыйковский принимали участие в обороне города от российских войск.

Своеобразным пиком отношений между Гваньини и Стрыйковским стало неожиданное издание в Кракаве в 1578 году под авторством итальянца произведения «*Sarmatiae Europaeae descriptio*» [23]. Эта богато иллюстрированная и довольно большая книга в 203 листа состояла из четырех частей, в которых содержалась информация по истории и географии Польши, ВКЛ, Ливонии, Пруссии, Московского государства и татар. Мы не знаем всех обстоятельств дела, но довольно скоро после выхода книги из печати Матей Стрыйковский обвинил бывшего витебского ротмистра в плагиате и обратился для защиты своих прав непосредственно к королю. 14 июля 1580 года Стефан Баторий издал акт, который признавал авторство «*Sarmatiae Europaeae descriptio*» за Стрыйковским. В 1582 году Стрыйковский сам опубликовал самое значительное своё произведение «*Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi*», в котором также высказал обвинения в адрес Гваньини, что тот присвоил его рукопись.

Но, тем не менее, претензии Стрыйковского уже не могли остановить распространение «*Sarmatiae Europaeae descriptio*» – в 1581 году в Шпайере (Германия) выходит второе издание книги, в 1582 году в Базеле – третье издание, а в 1583 году в Венеции появляется итальянская версия труда. На белорусско-украинских землях наибольшее распространение получило краковское польскоязычное издание книги 1611 года («*Kronika sarmacji europejskiej*») [24]. Именно на базе этого издания в первой половине XVII века, появляются кириллические переводы в белорусско-украинских редакциях. В свою очередь эти переводы послужили источником для белорусских и украинских хроник и хронографов XVII–XVIII веков. Для западноевропейского же читателя латинские и итальянские издания «*Sarmatiae Europaeae descriptio*» стали первым

трудом историописания, который широко познакомил их с содержанием общегосударственных летописей ВКЛ XV—XVI веков.

Безотносительно спора, в том числе и в судебном процессе, с Матеем Стрыйковским об авторстве «Хроники Европейской Сарматии» («Sarmatiae Europaeae descriptio», 1578) следует сказать, что книге, изданной под именем Гваньини, просматривается свое видение историко-географического деления региона.

Автор писал, что существует три Руси – Белая, Чёрная и Красная. Белая Русь охватывает регион Киева, Мозыря, Мстислава, Витебска, Орши, Полоцка, Смоленска и Северскую землю, которые издавна принадлежат Великому княжеству Литовскому. Чёрная Русь Гваньини размещена у Московской земли около Белого озера и таким образом распространяется до Азии. Красная же Русь лежит возле гор, «которые называются Бескидами», владеет ею польский король, и она принадлежит Короне Польской [23, р. 411]. А в «славном месте» Львов находится голова всей Русской земли, принадлежащей Короне Польской. При этом автор отмечает, что «Киев – это древний, большой и просторный город..., когда-то был столицей всей Русской земли» [23, р. 419]. Но относительно Москвы у автора нет последовательной позиции. Он готов признать происхождение названия Москвы от Мозоха, сына Яфета, и размещает эту страну также в центре Белой Руси [23, р. 576]. Подобные разночтения Гваньини говорят скорее о компилятивности его труда, чем о чистом плагиате.

Таким образом, Гваньини выделил регион «Белой Руси», который граничит с Московским государством и занимает отдельную положение в ВКЛ. Определялся ли этот регион этнически? Скорее всего, речь шла о регионе географическом, который всё же выделялся на фоне всего пространства Руси.

Впрочем, Гваньини не всегда был последовательным, так как использовал название «Белая Русь» для обозначения территории Московского государства: «Это – некая область в центре Белой (как говорится) Руссии, лежащая на северо-востоке, от которой получают наименование Московии и все прочие области Руссии, лежащие вокруг (хотя и названные совершенно различными именами); жители их на местном языке называются москвитами, и сам монарх областей Руссии именуется великим князем Московии» [4]. Подобные характеристики – реминисценции западноевропейской литературной традиции, которые были известны и польским хронистам Тёлку и Ласскому [8, с. 162].

Историописание мигрантов в ВКЛ, получивших индигенат (ставших подданными), условно можно обозначить как круг Стрыйковского безотносительно споров об авторстве между Стрыйковским и Гваньини. Эта традиция методологически была основана на авторской интерпретации других довольно многочисленных источников – в первую очередь русских и белорусско-литовских летописей, доступ к которым авторы памятников историописания получали в усадьбах элиты ВКЛ, например в Слуцке, а также широким использованием произведений польского историописания с

дополнительным привлечением античных авторов для историко-географической легитимации своих произведений в русле представлений эпохи Возрождения. Но в самом ВКЛ появилась и своя, более «политизированная» традиция историописания.

Оформление образа Руси в историописании ВКЛ XVI века

Отметим тут прежде всего **Михалона Литвина** / лат. Michalo Lituanus с его фрагментарным полемическим трактатом «De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, Fragmina X. multiplici Historia referta...». Это произведение было преподнесено в 1550 году королю и великому князю Сигизмунду Августу, но дошло до нас в фрагментарном виде (в 10 фрагментах), будучи впервые опубликованным в 1615 году в Базеле [31, р. 1—41] в конволюте с трудом Яна Ласицкого «О богах Жемайтии».

В пятом фрагменте трактата автор основное внимание уделил языковым и этническим характеристикам Великого княжества Литовского. Михалон Литвин констатирует, что «у нас, к сожалению, нет гимназий». И далее делает более широкие выводы: «Мы изучаем московские письма (*litteras Moscoviticas*), не несущие в себе ничего древнего, не имеющие ничего, чтобы возбуждало к доблести, поскольку рутенский язык (*idioma Ruthenuva*) чужд нам, литвинам, то есть италианцам (*Italianis*), происшедшим от италийской крови» [11, с. 85—86].

Что стоит за этим совмещением *litteras Moscoviticas* и *idioma Ruthenuva*? Насколько они синонимичны у Михалона Литвина? Ниже сам автор поясняет свои историко-географические представления. После того, как Цезарь отправился по Океану в Британию, «и его флот был разметан бурей, [и] плавание было не слишком удачно, и пристали корабли предков наших к побережью, то, как полагают, они вышли на сушу там, где ныне находится крепость Жемайтии Плотели (*Ploteli*)». Далее Михалон продолжает в русле представлений, которые шире легенды о Палемоне:

«Пройдя оттуда дальше, они покорили соседний народ ятвягов (*iaczvingos*), потом роксоланов (*roxolanos*), или рутенов (*ruthenos*), над которыми тогда, как и над москвитянами (*Moscis*), господствовали заволжские татары; и во главе каждой рутенской крепости стояли так называемые баскаки (*basskaki*). Они были изгнаны оттуда родителями нашими италами (*italis*), которые после стали называться литалами (*litali*), потом — литвинами (*Litvani*). Тогда с присущей им отвагой, избавив рутенский народ (*populis Ruthenicis*), земли и крепости от татарского и баскакского рабства, они подчинили своей власти все от моря Жемайтского (*a mari Samagitico*), называемого Балтийским (*Balteum*), до Понта Эвксинского, где [находится] устье Борисфена, и до границ Валахии (*Valachiae*), другой римской колонии и земель Волыни (*Voliniae*), Подолии (*Podoliae*), Киевщины (*Kijoviae*), Северы (*Siewer*), а также степных областей вплоть до пределов Таврики и Товани (*Towani*), [места] переправы через Борисфен, а отсюда распространились на север к самой крайней и самой близкой к стольному граду Московии крепости [называемой] Можайском (*Mozaisco*), однако,

исключая ее, но включая Вязьму (Wiazmam), Дорогобуж (Dorohobusz), Белую (Biela), Торопец (Toropetz), Луки (Luki), Псков (Pskov), Новгород (Novihorod) и все ближайшие крепости и провинции» [11, с. 86—86].

Таким образом, под рутенами, освобождёнными от ига татар италийцами, следует понимать в первую очередь население украинских земель, некогда зависимых от Орды. Михалон также описывает экспансию литвинов в сторону Москвы. Следует отметить, что при восхвалении «Литвы хороброй» [11, с. 76], Михалон позитивно оценивает качества народов, которых в политическом плане он может представлять критически:

«Москвитяне (Mosci) и татары намного уступают литвинам (Lituanis) в силах, но превосходят их трудолюбием, любовью к порядку, умеренностью, храбростью и прочими достоинствами, которыми упрочиваются королевства... Турки и прочие сарацины (saraceni), сходящиеся пять раз в день в местах, предназначенных для молитвы, снимают обувь и моют холодной [водой] даже срамные свои места. Они, а также татары, москвитяне (Moscovitae), ливонцы (Livones), пруссы (Pruteni), из бережливости непрерывно носят одну и ту же одежду, а у нас она и дорога и разнообразна» [11, с. 75].

Относительно личности Михалона Литвина в историографии существовала дискуссия. Автором трактата «De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum» считался Михаил Тышкевич, боярин и великокняжеский дворянин, упоминаемый в источниках 1528–1552 годов. Матвей Любавский первым указал, что автор этого трактата имел литовское происхождение, поскольку Михалон сам ясно отмечал, что «Idioma Ruthenum alienum sit a nobis Lituanis» (V, 23). Однако это указание было оставлено без внимания М. Любавским, хотя русинское происхождение рода Тышкевичей было ему хорошо известно. М. Любавский исходил из предпосылки, что названное в трактате имя Михалон — настоящее, а поскольку автор упоминал, что он был в Крыму во времена хана Саип-Гирея (1533—1551), то историк отождествил Михалона Литвина с личностью посла ВКЛ в Крыму в 1538–1539 годах — Михаилом Тышкевичем, — и подобным простым способом признал несомненным его авторство [9, с. 49–54.].

Против этого тезиса Матвея Любавского выступил другой российский исследователь — Иван Лаппо, доказывавший, что автором «De moribus» был затронутый реформационным движением католик, который гордился римским происхождением элиты своего народа. Поэтому И. Лаппо принял, что по происхождению Михалон был литовцем [7, с. 333, прим.].

Польский историк Ежи Охманьский обосновал версию, что автором трактата «De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum» был Венцлав Миколаевич из Майшиогалы (около 1490 — 1560) [33, s. 765—783; 14, с. 97—117]. Сегодня эта версия находит наибольшую поддержку среди исследователей. Если эта версия верна, то вполне логичными представляются оценки

этнокультурной ситуации в регионе со стороны представителя элит ВКЛ балтского происхождения.

Своеобразным итогом историописания ВКЛ XVI – начала XVII века можно назвать деятельность **Альберта (Войтеха) Виюка-Кояловича** / Wojciech Wijuk Kojałowicz (1609–1677). В 1627 году Коялович вступил в Орден иезуитов, в 1628–1632 годах он обучался в Виленской и Несвижской коллегиумах, а в 1634–1638 годах – на теологическом факультете Виленской академии, где в 1645 году получил степень доктора теологии и до 1658 года преподавал схоластическую теологию. В 1654–1655 годах Коялович был ректором Виленской академии. Коялович стал автором ряда полемические произведения, направленных против кальвинистов.

Но не эта насыщенная академическая жизнь сделала имя Альберта Кояловича известным в образованных кругах другой половины XVII века. Главное произведение виленского иезуита – «История Литвы» на латинском языке, первая часть которой была издана в Гданьске в 1650 году, вторая – в Антверпене в 1669 году.

В предисловии к первой книге «История Литвы», озаглавленном «*Historiae Litvaniae scribende occasio*» («Возможность написать историю Литвы»), Альберт Коялович признавался, что он не просто перевёл историю Стрыйковского, а пересмотрел ее «в соответствии с требованиями и законами письменного трактата» [27, р. A[1]–A v.]. По словам Кояловича, история Стрыйковского, написанная на польском языке, не была доступна для иностранных читателей, а также во многих местах нарушала риторику и принципы истории. Его цель, по его признанию, состояла в том, чтобы переписать историю Стрыйковского на латыни в соответствии с риторическими принципами и исторической правдой. История Кояловича отошла от метафорического представления, воспринятого Стрыйковским, к более сбалансированному описанию. Он заменил метафорический стиль Стрыйковского историческим нарративом, рассказывающим линейную историю.

Альберт Коялович считал религию самым важным атрибутом национального. По его словам, ни этническая принадлежность, ни язык не отличали литовцев от русинов, но их различает вероисповедание. Римское христианство стало, по Кояловичу, окончательным атрибутом личности шляхтича как представителя политического народа ВКЛ.

В «Истории Литвы» Кояловича нация представлена, прежде всего, как сообщество с общими интересами и общим прошлым. Его идеи об исторической нации были не только отражением культурных сил в государстве, но и способствовали формированию популярного воображения исторической общности Великого княжества. Слово «*natio*», которое Коялович часто использовал, как раз амбивалентно иллюстрировало воображаемое сообщество Литвы. В рамках этих же концепций находится и характеристика Кояловичем

Белой Руси как одной из провинций Литвы («ut et Russiae albae ulteriores provinciae»), сделанное в авторском предисловии к первому тому его труда [27, р. А [05v]].

Заключение

На протяжении XVI – первой половины XVII века в произведениях историописания ВКЛ происходило формирование образа Руси Нового времени – как региона, входившего ранее или в актуальное для авторов время в состав Великого княжества Литовского, от Киева до Полоцка. Субъективизация этого региона происходила под влиянием польских традиций хроникарства и историописания, которые имели рецепцию в летописании и историописании ВКЛ. Иногда для обозначения этого региона могло использоваться понятие «Белая Русь» (как у Гваньини). В отличие от аморфной средневековой Руси эта Русь Нового времени была уже довольно цельным по своим характеристикам регионом. Как очень выразительный и отдельный описывается регион под названием «Москва». Львов имел особый статус как Русь Короны Польской.

В описаниях авторов эти регионы имели историко-географический, культурно-конфессиональный и политико-государственный характер. Дискуссионным остаётся этническое наполнение этих терминов. Но в результате подобные трансформации ментальной географии впоследствии повлияли и на формирование этно-национальных процессов.

Разделение «Руси» Нового времени (в политическом и культурно-правовом круге ВКЛ) следует относить к середине – второй половине XVII века, что стало последствием даже не Люблинской и Берестейской уний, а кризиса Речи Посполитой, казацких войн и установления протектората московского царя над Левобережной Украиной.

Литература

1. Библиотека Национальной Академии наук Украины (Киев). Отдел рукописей. № 54487.
2. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. XI—XIII вв. // пер. с лат. В.Л. Панина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с.
3. Вельмезова Екатерина. Чех, Лех и Рус: В поисках мифических первопредков // Родина. 2001. Вып. 1/2. С. 26—28.
4. Гваньини Александр. Описание Московии. М.: Греко-Латинский кабинет. 1997. 176 с.
5. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // сост. С.Т. Голубев. Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1892. XIV. 88 с.
6. Копыстенский Захария. Палинодия // Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб., 1878. Кн. 1. С. 313–1200.
7. Лаппо И. И. Литовский статут 1588 г. Каунас: Spidulio, 1936. Т. I. Ч. 2. 473 с.
8. Латышонак Алег. Нацыянальнасць – беларус. [Беласток]: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. 588 с.

9. Любавский М. К. Кто был Михалон Литвин, написавший в половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и московитян» // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук: ученые записки Института истории. М., 1929. Т. 4. С. 49–54.
10. Мереминский С. Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание / отв. ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский. М: ИВИ РАН, 2010. С. 14–27.
11. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и московитов / пер. В. И. Матузовой; Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151 с.
12. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 320 с.
13. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1888 г. С.-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1891. [Ч.] IV. Приобретения Библиотеки. С. 119–124.
14. Охманский Е. Михалон Литвин и его трактат о нравах татар, литовцев и москвитян середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 97–117.
15. Пташицкий С. Л. Западнорусские переводы хроник Бельского и Стрыйковского (Библиографическая заметка) // Новый сборник статей по славяноведению в честь В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 372—384.
16. Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М.: Наука, 1966. 310 с.
17. Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург). Ф. IV. 688. № 1494.
18. Семянчук Альбіна. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна: ГрДУ, 2000. 161 с.
19. Скеп'ян А.А. Князі Слуцкія. Мінск: Беларусь, 2013. 246 с.
20. Смотрицкий М. Автѳрафѳ // Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т. XIX. Памятники полемической литературы в Западной России. Кн. III. С. 1149–1300.
21. Флоровский, А. В. Чехи и восточные славяне. Praha: Slovansky ustav, 1935. Т. I. XV. 527 с.
22. Athanasius Kalnofoysky. Τερατοῦργημα, lubo Cuda, ktore były tak w samym świętocudotwornym monastyrze Pieczarskim Kiiowskim, iako y w obudwu świętych pieczarach, w których po woli Bożey błogosławieni oycowie pieczarscy, pożywszy, ciężary ciał swoich złożyli. Kijow : Z drukarni Kijowopieczarskiej, 1638. 356 s.
23. Guagnini Alessandro. Sarmatiae Europaeae descriptio, quae regnum Poloniae, Lituaniae, Samogitiam, Russiam, Masouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam, & Moschouiae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligentia conscriptae. Cracovia : Typie Matthiae Wirzbietae, 1578. 172 f.
24. Guagnini Alessandro. Kronika Sarmacyey Europskiej : w ktorej się zamyka królestwo Polskie ze wszystkimi Państwami, Xięstwami, y Prowincjami swemi: tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew: Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie, y część Tatarów. Kraków : w Drukarni Mikołaja Loba, 1611. 10, 1, 740 s.
25. Herbst, S. Melchior Giedroyć // Polski Słownik Biograficzny. Kraków: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1948. T. VII. S. 430–431.
26. Ivinskis Z. Merkelis Giedraitis arba Lietuva dviejų amžių sąvartojė // Ivinskis, Z. Rinkiniai raštai. Roma : Lietuvių katalikų mokslo akademija, 1987. T. 4. P. 8–11.
27. Koialowicz Wiliuk Alberto. Historiae Lithuaniae pars prior, de rebus Lithuanorum ante susceptam Christianam religionem conjunctionemque... cum regno Poloniae. Dantisci : sumptibus Georgii Försteri Biblioplae S. R. M. A, 1650. 6, 399 p.
28. Koialowicz Wiliuk, Alberto. Historiae Lithuaniae pars altera a conjunctione cum Regno Poloniae ad unionem eorum Dominiorum libri octo. Antwerp Iacobum Meursium, 1669. 496 p.
29. Kosmova kronika česká / Hrdina K., Bláhová M. Praha: Paseka, 2005. 304 s.

30. Kossow Silvestr. ПАТЕПИКОН, albo żywoty ss. Ojców Pieczerskich. Kijów: w drukarni Lawry Pieczarskiej, 1635. 166 s.
31. Michalonis Litvani. De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum fragmina X multiplici historia referta. Nunc primum per I. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscripto authentice adite. Basiliae apud Conradum Waldkirchium, MDCXV. 41 p.
32. Obłąk Jan. Kardynał Bernard Maciejowski jako biskup krakowski. Olsztyn : Julian Wojtkowski, 2008. 92 s.
33. Ochmański J. Michalon Litwin i jego traktat o zwyczajach tatarów, litwinów i moskwiczinów z połowy XVI w. // Kwartalnik historyczny. 1976. R. 83. Z. 4. S. 765–783.
34. Pateryk Kijowsko-Pieczerski, czyli opowieści o świętych ojcach w pieczarach kijowskich położonych, przeł. i oprac. L. Nodzyńska. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 1993. 280 s.
35. Strykowski Maciej. Która przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska Litewska, Żmudzka, y wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siwierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej, etc. Y rozmaite przypadki wojenne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich y innych Królestwu Polskiemu y Wielkiemu Księstwu Litewskiemu przyległy ... Królewiec: u Gerzego Ostenbergera, 1582. 20, 1, 791 s.
36. Strykowski Maciej. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego... / Oprac. Julia Radziszewska. Warszawa: PIW, 1978. 764 s.
37. Wojtkowiak Zbysław. Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności. Poznań: UAM, 1990. 248 s.

O.I. Dernovich

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus

Constructing «Other Rus'»:

Images of “Rus'” in the history writing of the Grand Duchy of Lithuania of the 16th — 17th centuries

Key words: Belarus, the Grand Duchy of Lithuania; Russia; historiography; early modern times.

During the 16th – first half of the 17th centuries, the tradition of historiography began to develop in the Grand Duchy of Lithuania (GDL). In these works, the image of Rus' of New Time was formed as a region, which was part of the Grand Duchy of Lithuania, from Kiev to Polotsk. The subjectivation of this region took place under the influence of the Polish tradition of chronicling and historiography, which had a reception in chronicling and historiography of the GDL.